

Искатель высшей правды. Ф.М. Достоевский и Православие

Лучшие люди познаются высшим нравственным развитием и высшим нравственным влиянием.

Ф.М. Достоевский

Есть два типа людей, которые ярко выделяются среди прочих. Первый – люди загадочные. Они очень странны. Ибо как ещё можно охарактеризовать таких, которые, зная и видя, что корабль их жизни с каждым мгновением приближается к катастрофе, тем не менее отдают все свои силы на то, чтобы как можно комфортнее на нём устроиться? При этом для достижения своей цели они нередко попирают и совесть, и любовь, и правду. Их не беспокоят вопросы: «Зачем я живу, есть ли Бог, что будет после смерти?» Они не обременяют себя сомнениями и переживаниями: «Вдруг и правда есть ад, есть возмездие за дела этой жизни?» Их вообще ничто не беспокоит, кроме требований своей «кожи»: что есть, что пить, во что одеться (см. Мф. 6, 25). Такое состояние действительно странно и непонятно, поскольку оно вопиюще противоречит какой-либо разумности.

Об этих людях с горечью сказал Иисус Христос Своему ученику: *Предоставь мёртвым погребать своих мертвецов* (Мф. 8, 22). В Апокалипсисе они названы «теплохладными», и в адрес такого человека Бог произносит суровые слова: *Извергну тебя из уст Моих* (Откр. 3, 16).

Полную противоположность такому животнo-растительному отношению к жизни представляет собой второй тип людей, немногочисленный, но не менее загадочный и по-своему странный. Эти люди, напротив, как бесконечно влюбленные охвачены неистребимым стремлением найти ответ на все эти так называемые «проклятые вопросы». Они не могут обрести себе покоя, пока не уверятся, что нашли истину. Среди них найдём немало известнейших людей России: А.Пушкин, святитель Игнатий (Брянчанинов), И.Киреевский, К.Леонтьев, игумен Никон (Воробьёв) и т.д. Здесь же и Фёдор Михайлович Достоевский. Этот человек, говоря его же словами, был «широк... слишком даже широк, я бы сузил». И чтобы как можно меньше погрешить против этого гения русской культуры, не станем касаться *широты* его личности, перипетий его жизни и деятельности, давать оценку его трудам; уклонимся от анализа художественных достоинств и недостатков его произведений, умолчим даже о том колоссальном влиянии, которое имело и оказывает до сих пор его творческое наследие на всё мыслящее человечество. Попытаемся, насколько это возможно, осветить только один вопрос, лежащий совсем не в горизонтальном измерении личности писателя и его творчества, а в вертикали понимания им глубин души человеческой, в которой живут и Бог, и дьявол, из которой проистекают добро и зло и которая спасается или гибнет. Именно здесь находится источник необыкновенно богатогоклада духовных ценностей, оставленных русским гением своим потомкам, всему человечеству.

Первым из вопросов, который немалое время мучил его и разрешение которого он нашёл не просто, но пройдя через глубокие внутренние страдания, через *горнило сомнений*, был вопрос о *высшей Правде*. Но Правде не отвлечённой, философской, фактически ни к чему не обязывающей человека, а о той, которая не зависит ни от каких человеческих треволнений, является вечно существующей и может избавить душу от зла страстей и принести вечный мир и радость каждому алчущему и жаждущему Её.

Эту Правду нашёл Достоевский в Боге, без признания Которого, по его убеждению, человечество идёт к человекобожеству, сатанизму и неминуемой гибели. В уста беса в «Братьях Карамазовых» Достоевский влагает следующие потрясающие слова: «По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело! С этого, с этого надобно начинать, – о слепцы, ничего не понимающие! Раз человечество отречётся поголовно от Бога, то само собою, без антропофагии, падёт всё прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит всё новое. Люди совокупятся, чтобы взять от жизни всё, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человеко-бог... а ему “всё позволено”... Для бога не существует закона! Где станет бог – там уже место божие! Где стану я, там сейчас же будет первое место... “всё дозволено” и шабаш!»

Мысль о безусловной необходимости для человека веры в Бога и бессмертие души является у Фёдора Михайловича, можно сказать, основным стержнем его творчества. В ней источник его неотступного богоискательства, приведшего его к Христу и Православной Церкви. В «Дневнике писателя» он подчёркивает: «Только с верой в своё бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле». Более того, сама «любовь к человечеству даже совсем немислима, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой». Ибо «нравственность, предоставленная самой себе или науке, может извратиться до последней погани – до реабилитации плоти и до сожжения младенцев».

Эдгар По однажды записал: «Если какой-нибудь честолюбивый человек возмечтает революционизировать одним усилием весь мир человеческой мысли, человеческого мнения и человеческого чувства, подходящий случай у него в руках – дорога к бессмертию лежит перед ним прямо, она открыта и ничем не загромождена. Всё, что он должен сделать, – это написать... маленькую книгу. Заглавие её должно быть простым – три ясных слова: “Моё обнажённое сердце”. Но эта маленькая книга должна быть верна своему заглавию».

Сказано глубоко, но писатель, видимо, забыл, что такая книга уже давно написана и без каких-либо *честолюбивых мечтаний о революционных преобразованиях человеческой мысли*. Эта *Маленькая книга* – Евангелие. Оно с предельной ясностью обнажило сокровенную жизнь человеческого сердца, открыв *дорогу к истинному бессмертию*. Евангелие стало источником истинного познания человека, путём к совершенному знанию его души, в которой скрываются и рай, и ад: и невыразимая красота, равной которой, по выражению преподобного Макария Египетского, нет ни на земле, ни на небе, и

безмерное зло, возникшее в ней же по причине отступления человека от источника всякого блага – Бога.

Достоевский явился одним из тех немногих писателей, которые в свете именно этой *Маленькой книги*, а не в ключе так называемого реализма, часто граничащего с натурализмом, с потрясающей глубиной показали *обнажённое сердце* человека. И прежде всего хотелось бы отметить следующий, как кажется, парадоксальный факт. Имея довольно сложный, даже неуживчивый, по отзывам современников, характер, он в своих сочинениях настойчиво и постоянно подчёркивает красоту человеческой души. Эта любовь к человеку, хотя и падшему и потерявшему своё изначальное богоподобное достоинство, но, тем не менее, сохранившему в сокровенных глубинах души отблеск вечной Божественной святости – главная тема его творчества. «А любил он прежде всего живую человеческую душу во всём и везде, и верил он, что мы все род Божий, верил в бесконечную силу человеческой души, торжествующую над всяким внешним насилием и над всяким внутренним падением», – так говорил над могилой Достоевского 1 февраля 1881 года В.С. Соловьёв.

Что же представляет собой человек в понимании Достоевского?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить те взгляды на человека, которые господствовали в просвещённом обществе того времени. Их три основных.

1. Человек – это коварная, чувственная и эгоистическая обезьяна, несущая в себе наследие своих животных предков.

2. Человек – добр, любвеобилен, способен к самопожертвованию. Дурные качества, которые замечаем в нём, – свойства не его природы, но прямые следствия развития цивилизации, которая внесла в человека дисгармонию, отдалив его от природы, от естественной жизни.

3. Человек не зол и не добр по природе, он – «чистая доска», на которую лишь социальная среда во всём многообразии её факторов наносит соответствующие письмена.

Достоевский очень далёк от всех этих теорий. Для него противоестественна первая, дарвинистская точка зрения, хотя редко кто из писателей мог изобразить с такой силой и яркостью «дно» души человеческой, как он.

Он не согласен и со второй теорией, несмотря на то, что сама идея неизгладимого и всегда действующего в человеке добра и правды была ведущей во всём его творчестве. В «Дневнике писателя» читаем даже такое: «Зло таится в человеке глубже, чем предполагают обычно».

Критику вызывает у Достоевского и третья теория. Он не может принять того, о чём мечтают глупцы: «если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать, и все в один миг станут праведными». «Ни в каком устройстве общества, – писал он, – не избегнете зла... душа человеческая останется та же... ненормальность и грех исходят из неё самой».

У Фёдора Михайловича иное воззрение на человека.

Маленькая книга – Евангелие, которое он так любил и читал до самой своей смерти, – открыла ему тайну человека, открыла, что человек – не обезьяна и не святой ангел, и не *tabula rasa*, но образ Божий, который по своей изначальной богозданной природе добр, чист и прекрасен, однако в силу

отступления от Источника жизни глубоко исказился, и земля сердца его стала порождать *терния и волчцы* (Быт. 3, 18). Поэтому нынешнее, так называемое «естественное» состояние человека в действительности является нижеестественным, больным, в нём присутствуют и перемешаны между собой и семена добра, и плевелы (сорняки) зла.

Какое средство избавления от этой ненормальности предлагает Евангелие? Прежде всего – внутреннее согласие человека с очевидным фактом ненормальности своей природы, постоянно влекущей его к мыслям, намерениям и поступкам, прямо противоречащим нравственному чувству, совести и разуму. Затем – познание неспособности своими силами исцелить, искоренить это. И наконец, нужно смириться и убедиться в необходимости Христа как единственного своего Спасителя. Совершенно очевидно, какое главное препятствие стоит на этом пути – глупая, тупая гордыня, которая и оставляет человека валяться в грязи всех страстей...

Об их изобилии в душе человеческой Достоевский ярко говорит устами князя в «Униженных и оскорблённых»: «Если б только могло быть (чего, впрочем, по человеческой натуре никогда быть не может), если б могло быть, чтобы каждый из нас описал всю свою подноготную, но так, чтобы не побоялся изложить не только то, что он боится сказать и ни за что не скажет людям, не только то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чём боится подчас признаться самому себе, – то ведь на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться».

Потому-то везде и всюду, если не словом, то самой жизнью героя, его падениями и восстаниями Достоевский призывает человека к смирению и труду над самим собой: «Смири, – восклицает он, – свою гордость, гордый человек, поработай на ниве, праздный человек!» Его мысль необычайно здрава. Смирение не унижает человека, а напротив, ставит его на твёрдую почву честного взгляда на себя, ибо оно есть тот свет, только благодаря которому человек видит себя таким, каким он является на самом деле. Оно есть свидетельство великого мужества человека, не убоявшегося встретиться с самым грозным и неумолимым соперником – совестью своею. Смирение является твёрдой основой, солью всех добродетелей. Без него они вырождаются в лицемерие, ханжество, гордыню.

Да и как не смириться тому, кто прямо посмотрит на себя и честно признается себе во всём? Эта мысль постоянно звучит в творчестве Достоевского. Она является для него своего рода фундаментом, на котором он строит весь свой редкий по глубине прозрения анализ души человека. Отсюда необычайная правда изображения им внутреннего мира человека, сокровенных движений его души, его греха и покаяния – и святости образа Божия в нём, сохраняющейся в самой глубине души. При этом никогда не чувствуется со стороны автора ни малейшего осуждения самого человека. В уста старца Зосимы Достоевский вкладывает замечательные слова: «Братья, – поучает старец, – не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле... И да не смущает вас грех людей в вашем делании, не бойтесь, что он затрёт дело ваше и не даст ему совершиться. Бегите сего уныния... Помни особенно, что не можешь ничьим судьёю быть. Ибо не может быть на земле судьи преступника, прежде чем сам

судья не познает, что он такой же точно преступник, как и стоящий перед ним, и что он-то за преступление стоящего перед ним, может, прежде всех виноват».

Но познать это не так просто. Далеко не каждый способен увидеть, что и он *такой же точно преступник*. Напротив, все видят и считают себя в целом хорошими. Именно потому и мир так плох. Но те, которые способны увидеть, что *все виноваты за всех*, увидеть личную свою преступность перед внутренним законом правды и раскаяться, – глубоко преображаются, потому что становятся способными принять в себя Божью правду, принять Бога.

Да и что значат пред Богом все дела человеческие! Все они не более чем «луковка», о которой говорит Алёше Грушенька в «Братьях Карамазовых»: «Всего-то я луковку какую-нибудь во всю жизнь мою подала, всего только на мне и есть добродетели». То же самое говорит Алёше во сне и его праведный старец Зосима, удостоившийся чести быть на брачном пире Господнем: «Тоже, милый, тоже зван, зван и призван. Веселимся. Я луковку подал, вот и я здесь. И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке... Что наши дела?»

Тот же мотив видим мы и в «Преступлении и наказании» у пьяницы Мармеладова, когда он говорит о Страшном суде Божиим: «И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и к нам: “Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!” И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: “Свиньи вы! Образа звериного и печати его; но приидите и вы!” И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: “Господи! Почто сих приемлещи?” И скажет: “Потому их приемлю, премудрые, потому их приемлю, разумные, что ни один из сих сам не считал себя достойным сего”... И прострет к нам руке Свои, и мы припадем... и заплачем... и всё поймём! Тогда всё поймём... и все поймут». Так изумительно переложил Достоевский саму основу евангельского учения о спасении – *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное* (Мф. 5, 3) – на язык современности: «Блаженны, потому что ни один из них сам не считал себя достойным этого Царства».

В годы 1861–1881 Достоевский внимательно изучает творения святых отцов Церкви: Исаака Сирина, Нила Сорского, Тихона Задонского. Последнего он особенно почитал и особенно указывал на него образованному обществу: «Многие ли знают про Тихона Задонского? Зачем это так совсем не знать и совсем дать себе слово не читать?... Поверьте, господа, что вы, к удивлению вашему, узнали бы прекрасные вещи» («Дневник писателя»). От них узнал Достоевский о главнейшем законе духовной жизни: «Мерою духовного роста человека является его смирение» – эта евангельская нищета духа, на основе которой лишь возможно достижение и самой цели христианской жизни – любви. Ибо там, где нет смирения, не может быть истинной любви.

Но не о романтической любви идёт речь. Напротив, именно *смиренная* любовь как исцеляющая, возрождающая сила проповедуется Достоевским, к ней зовёт он людей. Вспомним заключительную сцену из «Братьев Карамазовых», когда семинарист Ракитин, зло радуясь, приводит Алёшу к блуднице Грушеньке, надеясь увидеть позор праведника. Но позора не случилось. Напротив, Грушенька была потрясена чистой любовью-состраданием к ней Алёши. Всё дурное враз исчезло у неё, когда она увидела это. «“Не знаю я, – говорила она Ракитину, – не ведаю, ничего не ведаю, что он

мне такое сказал, сердцу сказалось, сердце он мне перевернул... Пожалел он меня первый, единый, вот что! – Зачем ты, херувим, не приходил прежде, – обратилась она к Алёше, упав перед ним на колени, как бы в исступлении. – Я всю жизнь такого, как ты, ждала, знала, что кто-то такой придёт и меня простит. Верила, что и меня кто-то полюбит, гадкую, не за один только срам!” “Что я тебе такого сделал, – умиленно улыбаясь, ответил Алёша, нагнувшись к ней и взяв её за руки, – луковку я тебе подал, одну самую малую луковку, только, только!” И, проговорив, сам заплакал».

Великая заслуга Достоевского и состоит в том, что он не только познал эту основную истину христианства и пришёл через труднейшую внутреннюю борьбу к вере во Христа («...не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла»), – но и в необычайно яркой, сильной, глубоко художественной форме раскрыл эту реальность в своих романах, рассказах, дневниках, записных книжках. Он как бы переложил для внешнего мира эту самую основную жизненно-практическую истину Евангелия – о смирении, ведущем к истинной любви, – и сделал это так, как, может быть, никто из светских писателей ни до, ни после него не делал.

Хотел Достоевский показать – и показал со всей силой своего таланта, что живёт Бог в человеке, живёт в нём добро, несмотря на всю ту *наносную грязь*, которой он покрывает себя. Конечно, не ангел человек по жизни своей, но и опустившись на самое «дно», сохраняет он образ Божий. Достоевский видит в каждом грешнике искру Божию как залог его восстания и спасения, потому и не судит его.

Вот Дмитрий Карамазов, человек взбалмошный, распущенный, с нравом дерзким, необузданным. Что творится в этой страшной личности, кто он? Мир произнёс своё окончательное суждение о нём: злодей. Но верно ли это? «Нет!» – утверждает со всей силой своей души Достоевский. И в этой душе, в её глубине, горит, оказывается, лампада. Смотрите, как искренно исповедуется Дмитрий Алёше, брату своему, в одной из бесед: «Мне случалось погружаться в самый глубокий позор разврата (а мне только это и случалось)... И вот в самом-то этом позоре я вдруг начинаю гимн. Пусть я проклят, пусть я низок, подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облакается Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чёртом, но я всё-таки и Твой сын, Господи, и я люблю Тебя, и ощущаю радость, без которой миру нельзя стоять и быть...»

Потому и в русский народ так глубоко и искренне верил Достоевский, несмотря на все его грехи. «Кто истинный друг человечества, – призывал он, – у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймёт и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружён народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты. Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает... Нет, судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений».

Как желал Достоевский показать красоту очищенной души человеческой, этот бесценный *бриллиант*, который большей частью весь завален, захламлён грязью лжи, гордыни, плотоугодия, но вновь начинает сверкать, омытый слезами страданий, слезами покаяния! Он был убеждён, что потому и грешит

человек, потому и зол он часто и дурён, что не видит красоты своей подлинной, не видит души своей перевозданной. В материалах к роману «Бесы» находим у него такое: «Христос затем и приходил, чтобы человечество узнало, что и его земная природа, дух человеческий может явиться в таком небесном блеске на самом деле и во плоти, а не то что в одной мечте и в идеале, – что это и естественно, и возможно». Именно об этой красоте, представшей духовно очищенному взору человека, говорил Достоевский, когда утверждал, что «красота спасёт мир» («Идиот»). Эту красоту он особенно замечательно показал в детских образах. Дети везде в его сочинениях святы, всюду они как ангелы Божьи, свидетельствующие среди ужасного, развращённого мира самым ликом своим о той чистоте, любви непорочной, той красоте души, которая глубоко сокрыта *внутри* каждого человека (Лк.17, 21).

Но эта спасающая в нашем дольнем мире красота не может, оказывается, открыться в человеке без мужественного несения креста своего. Ибо, по непреложному духовному закону, *многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). Не случайно страдания в творчестве Достоевского занимают настолько значительное место, что его самого нередко называют художником страданий. Ими, как золото огнём, очищается душа. Они, порождая покаяние, очищают душу от грехов, принося ей мир и радость. «Если хотите, – пишет Достоевский в «Записной книжке», – человек должен быть глубоко несчастен, ибо тогда он будет счастлив. Если же он будет постоянно счастлив, то он тотчас же сделается глубоко несчастлив». «Горе узришь великое, – говорит старец Зосима Алёше, – и в горе сам счастлив будешь. Вот тебе завет: в горе счастье ищи».

Одним из постоянных мотивов в творчестве Достоевского звучит его твёрдое убеждение, что Христос – это высочайшая ценность в мире. Он выше всякой человеческой истины, которая всегда условна, относительна и временна. Без Христа любая истина – не истинна. В письме к Фонвизинной он пишет: «Если б кто доказал мне, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели со истиной». Но что значит оставаться с Ним? Через Алёшу Карамазова Достоевский произносит исполненные грустной иронии слова: «Не могу я отдать вместо “всего” два рубля, а вместо “иди за Мной” ходить лишь к обедне»¹. Ибо если так, то действительно в душе человека от Христа остаётся, как говорил В.С. Соловьёв, лишь «мёртвый образ, которому поклоняются в церквах по праздникам, но которому нет места в жизни»².

Но живой Христос, по глубокому убеждению Достоевского, сохранился неповреждённым лишь в Православии, в народах славянских и особенно в русском народе, который он называл народом-богоносцем, имеющим исключительное назначение в мире. «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нём и у него ничего нет – да и не надо, потому что Православие всё. Православие есть Церковь, а Церковь – увенчание здания и уже навеки». «Всё, всё, чего ищет русский народ, – пишет он, – заключается для него в Православии – в одном Православии и правда, и спасение народа русского»; «главнейшее предызбранное назначение народа русского в судьбах

¹ См. притчу о богатом юноше: *Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твоё и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19, 21).

² В.С. Соловьёв. Вторая речь (о Достоевском).

всего человечества и состоит в том, чтоб сохранившийся в Православии Божественный лик Христа, когда придёт время, – явить всему миру, потерявшему свой путь». И прежде всего русский народ должен спасти Европу – это «дорогое, – по словам Ивана Карамазова, – кладбище... давно уже кладбище, и никак не более».

О Европе Достоевский говорит много. Он хорошо её знал и видел, что произошло в ней с христианством. «В Европе и теперь есть христиане, но зато страшно много извращённого понимания христианства» («Записная книжка»). «На Западе, – пишет он Н.Страхову, – Христа потеряли – благодаря католицизму, и оттого Запад падает». За год до смерти он писал: «Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного и общего. Муравейник, давно уже созданный в ней без Церкви и без Христа, с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим всё общее и всё абсолютное, – этот созидавшийся муравейник весь подкопан».

Причину духовного омертвения Европы Достоевский видит в искажении католичеством самых основ христианства. Именно это привело Запад к грандиозной религиозной и политической катастрофе в XVI веке, оно же породило и великую трагедию всей европейской культуры. При этом Достоевский подчёркивает: «Я не про религию католическую одну говорю – но про всю идею католическую». В «Легенде о Великом Инквизиторе» Достоевский раскрывает эту идею. Он убеждён, что Католическая церковь, по существу, отвергла Христа, поскольку не приняла важнейшую предпосылку Его учения: благовестие о свободном и только свободном обращении человека к Богу, свободном ответе человека на любовь Божию. Она, по Достоевскому, стремится любыми средствами, в том числе насилием и хитростью, подчинить все народы власти Рима. В «Бесах» он пишет: «Рим провозгласил [своего] Христа, поддавшегося на третье дьяволово искушение³, и, ...возвестив всему свету, что Христос без царства земного на земле устоять не может, католичество тем самым провозгласило антихриста и тем погубило весь западный мир». И поскольку цель католицизма – земное царство во главе с царём-первосвященником, то более всего её осуществлению и мешает евангельский Христос, сказавший: *Царство Моё не от мира сего* (Ин. 18, 36). В уста Великого Инквизитора Достоевский вкладывает ужасное признание: «Я не хочу любви Твоей, – говорит он Христу, – потому что сам не люблю Тебя. Может быть, ты хочешь услышать нашу тайну из моих уст, так слушай же: мы не с Тобой, а с ним [антихристом], вот наша тайна».

Решительно развенчивая католицизм, Достоевский тем с большей силой подчёркивает безусловную значимость Православной Церкви в качестве того единственного духовного начала жизни и носителя той истинной культуры, которые Россия должна принести миру. Православная Церковь для Достоевского – это живая реальность, воплощающая учение Христа в конкретных исторических условиях. Не случайно В.С. Соловьёв говорил: «Если мы хотим одним словом обозначить тот общественный идеал, к которому пришёл Достоевский, то это слово будет... Церковь» («Первая речь» о Достоевском). О том же через полвека писал протоиерей Василий Зеньковский: «Оцерковление всей жизни – вот тот положительный идеал, который

³ ...показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: всё это дам Тебе, если, нав, поклонись мне (Мф. 4, 8–9).

одушевлял Достоевского и который он понимал не как внешнее подчинение всей жизни Церкви (как это именно и думало католичество), но как свободное и внутреннее усвоение жизнью во всех её формах христианских начал»⁴.

Итак, чем особенно дорог и ценен Достоевский для своих потомков? Тем, что всё его творчество пронизано главной евангельской мыслью о том важнейшем в психологии человека, что делает его способным принять Христа. Достоевский, кажется, только и пишет о «бедных людях», об «униженных и оскорблённых», о «карамазовых», о преступниках, об убийцах, возрождающихся через осознание своей греховности и покаянием восходящих к началам новой жизни. «Возрождение, – подчёркивал митрополит Антоний (Храповицкий), – вот о чём писал Достоевский во всех своих повестях: покаяние и возрождение, грехопадение и исправление, а если нет, то ожесточённое самоубийство; только около этих настроений вращается вся жизнь всех его героев»⁵.

Замечательны последние минуты жизни Достоевского, приоткрывающие нам сокровенные тайны его духа. «В 11 часов горловое кровотечение повторилось. Больной почувствовал необыкновенную слабость. Он позвал детей, взял их за руки и попросил жену прочесть притчу о блудном сыне». Это было последнее покаяние, увенчавшее далеко не простую жизнь Фёдора Михайловича и показавшее верность его духа *Маленькой книге* – Евангелию.

Прекрасно сказал о Достоевском В.С. Соловьёв в своей «Второй речи»: «Творят жизнь люди веры. Это те, которые называются мечтателями, утопистами, юродивыми – они же пророки, истинно лучшие люди и вожди человечества. Такого человека мы сегодня поминаем!»

⁴ Русские мыслители и Европа. Париж, 1995. С. 245.

⁵ Сочинения. Т. 2. СПб, 1911. С. 469.